

РАСПЛЕДОВАНИЕ
30
ЧАШЕЧКОЙ
7010

Читайте детективы НАТАЛИИ АНТОНОВОЙ в серии «Уютный детектив»:

СЕРИАЛ «ДЕТЕКТИВЫ-ПРОФЕССИОНАЛЫ МИРОСЛАВА И МОРИС»

ПРИУСАДЕБНОЕ УБИЙСТВО	ФУРИЯ XXI ВЕКА
•	•
СРЕЗАННЫЕ ЦВЕТЫ	ЗИМНЯЯ МЕСТЬ
•	•
ВЛЮБЛЕННЫЙ УБИЙЦА	ТЕНЬ ДРУГОЙ ЖЕНЩИНЫ
•	•
ЗОЛОТАЯ УДАВКА	ЛЮБОВЬ КАК УЛИКА
•	•
НЕ ДЕВИЧЬЯ ПАМЯТЬ	МИНДАЛЬНЫЙ ВКУС ЗЛА
•	•
СЛИШКОМ ВЕРНАЯ ЖЕНА	ОДНАЖДЫ ЛЕТНИМ ДНЕМ
•	•
ТУФЕЛЬКА ДЛЯ ПРИЗРАКА	ОРХИДЕЯ С КАПЛЕЙ КРОВИ
•	•
ПРОЩАНИЕ С ПЛЕЙБОЕМ	СМЕРТЬ ПОД ЗОЛОТЫМ ДОЖДЕМ
•	•
РАСПЛАТА ПО ЧУЖИМ СЧЕТАМ	НЕЛОВКАЯ ПОСТУПЬ СМЕРТИ
•	•
СМЕРТЬ В НАЧАЛЕ ВЕСНЫ	ОХОТА ЗА БОГАТСТВОМ
•	•
УБИЙСТВО ПО ЛЮБВИ	ШИПЫ БЛИЗКОЙ ДРУЖБЫ
•	•
МЕЛОДИЯ ДЛЯ САКСОФОНА	ТАЙНА БОГАТОЙ ВДОВЫ
	•
	ПОЭЗИЯ УБИЙСТВА

СЕРИАЛ «ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО «ШВЕДСКОЕ ВАРЕНЬЕ»»

ВЫСТРЕЛ В НОЧИ	РОДНОЙ САМОЗВАНЕЦ
•	•
ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА ТРУБОЧИСТА	УБИЙСТВЕННАЯ СТРАСТЬ
•	•
ЧАША БЕЗ ТЕРПЕНИЯ	УБИЙСТВО В НОВОГОДнюю НОЧЬ
	•
	ПОДАРОК СМЕРТИ

Наталья Антонова

Горечь и сладость

ЛЮБВИ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Оформление серии *Е. Петровой*

Антонова, Наталия Николаевна.

А72

Горечь и сладость любви / Наталия Антонова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Уютный детектив).

ISBN 978-5-04-190908-6

У симпатичной и умной Веры заботливые родители, верная подруга, любимая и хорошо оплачиваемая работа. Но Вере тридцать лет и пора бы замуж. Неожиданно в молодую женщину влюбляется шеф и делает ей предложение! Казалось бы, Вера должна быть счастлива, однако она растеряна, ведь в ее душе ничего не отозвалось. А вот когда Вера случайно встретила уличного художника Эдуарда, внутри вспыхнуло пламя...

Мирослава Волгина, владелица детективного агентства, получает необычный заказ. К ней обращается секретарша, которую обвинили в убийстве шефа на рабочем месте. Всё против девушки: даже на орудии убийства оказались ее отпечатки. Мирослава верит в невиновность секретарши и решает ей помочь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова Н. Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-190908-6

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Глава 1

Лето так плавно перетекло в осень, что далеко не все это сразу заметили. Было тепло, светило ласковое солнце, и всеми цветами радуги переливались на клумбах и газонах цветы. Как ни в чём не бывало били фонтаны, в чашах которых купались, лениво переваливаясь с боку на бок, ничего и никого не боявшиеся городские голуби.

В зелёной листве деревьев, только приглядевшись, можно было кое-где заметить пару-тройку пожелтевших листочков.

Но на душе Веры царила грусть. Пусть и лёгкая, можно даже сказать светлая, но всё-таки грусть.

И грустила она вовсе не потому, что наступила осень. А потому, что наступила она незаметно. Вроде бы только совсем недавно всё вокруг изнывало от жары. Прилавки на рынке ломились от ягод и фруктов. Хотя Вере покупать их не приходилось — всё это в изобилии росло на родительской даче.

Вот только Вера бывала там нечасто. В будни работа в офисе, по вечерам посиделки с подругой или приятельницами в кафе на набережной. В выход-

ные всем коллективом выезжали на природу. Фирма у них была небольшая, но дружная.

А август месяц Вера провела на море со своим шефом Андреем Ивановичем Даниловым, для Веры в нерабочее время он был просто Андреем. За границу не полетели по объективным причинам, возникшим в этом году. Хотя Вера давно мечтала побывать на Средиземном море и даже намекала на это Андрею. Правда, открытым текстом свои пожелания не высказывала, понимая, что время для этого ещё не настало. Андрей предложил Вере на выбор несколько черноморских городов, и она выбрала Сочи. И не пожалела об этом. Чёрное море тоже было великолепным. К тому же погода стояла не слишком жаркая и не прохладная, одним словом, комфортная, точно заведующий небесной канцелярией решил преподнести им подарок.

Поселились они в роскошном отеле, Андрей постарался и не пожалел денег. Каждое утро они отправлялись на пляж, днём совершали экскурсии, набеги на музеи и другие интересные места. А по вечерам Андрей водил её в рестораны. Ей особенно нравился тот, в котором звучала живая джазовая музыка. И в зале явственно пахло морем и кипарисами. Вере хотелось думать, что эти ароматы заносит в приоткрытые окна ветер. Хотя рациональный раскусодок насмешливо нашёптывал, что это были, скорее всего, обыкновенные ароматизаторы воздуха. Но Вера отмахивалась от язвительных нашёптываний внутреннего голоса. Ведь девушке так хочется романтики! Хотя бы здесь, на морском берегу...

К тому же и кипарисовая аллея, и море были совсем близко.

Именно в этом ресторане Андрей сделал ей предложение.

«Наконец-то!» — пронеслось в мозгу у Веры, но сердце почему-то ёкнуло и испуганно сжалось.

Вера долго рассматривала подаренное ей Андреем далеко не дешёвое кольцо, при искусственном освещении оно переливалось всеми цветами радуги и точно шептало девушке: возьми меня! Возьми! Вера вертела его на пальце и так и сяк, глаза её горели от восторга не менее ярко, чем бриллианты в кольце, но потом она сняла его с пальца, положила обратно в коробочку. Однако, увидев, как помрачнел Андрей, чмокнула его в щёку и быстро проговорила:

— Я же не отказываюсь, только прошу подождать. — Её глаза умоляюще смотрели на него.

— Долго? — уныло спросил Данилов.

— Наверное, нет, — отозвалась она так тихо, что он едва расслышал её слова. А потом добавила уже громче: — Просто мне нужно подумать, взвесить все за и против. Ведь замужество — это очень серьёзный шаг. — Голос Веры зазвучал почти торжественно. И в этот миг она невольно прочитала в погрустневших его глазах: «А что, о любви речь не идёт?»

Вера стало совестно. Но так как вопрос Андрей задал ей безмолвно, то Вера сочла себя вправе не отвечать на него. Она просто опустила голову и вздохнула. В глубине души Вера не верила, что можно влюбиться, если тебе уже за тридцать. Какие, спра-

шивается, могут разгореться страсти в сердце, которое уже было не раз разочаровано в своих надеждах? Нет, конечно, Вера была начитанной девушкой и знала мнение классика о том, что «любви все возрасты покорны». Но ведь это сказал поэт. Пусть даже очень великий. Но всё равно поэт. А поэт, как известно, в карман за словом не полезет. Слово для него — строительный материал, как для каменщика — кирпич, для кузнеца — металл, а для гончара — глина.

После этого памятного вечера они провели в Сочи ещё пять дней. Но в этот ресторан Андрей больше не пригласил её ни разу. Да Вера и сама не хотела в него пока возвращаться.

В последний день, купаясь в море, она неожиданно для себя нос к носу столкнулась со случайно подплывшим близко к берегу дельфином. Поначалу она даже испугалась. Но потом вспомнила, что «дельфины добрые», и даже рискнула дотронуться рукой до его влажной кожи. Она оказалась такой приятной на ощупь, что девушка подумала: «Как жаль, что дельфинов нельзя держать дома как котов. Ведь им любой бассейн будет мал».

Дельфин тем временем махнул хвостом и был таков. Вера же почему-то решила, что встреча с дельфином предвещает ей что-то яркое, необычное. Что именно, она даже не догадывалась, но на берег она вышла в приподнятом настроении, и радость предвкушения чего-то неординарного не покидала её всё время, пока они не сели в самолёт и не поднялись в воздух.

И лишь по прилёте в родной город Вера поняла, что праздник, скорее всего, остался в Сочи. А дома ей придётся окупиться в будни и решать реальные вопросы. Например, что ей ответить Андрею. Ведь не может же он ждать её ответа вечно.

Из аэропорта Андрей сначала довёз до дома Веру, потом уже отправился к себе. Подниматься к Вере он не стал. Оба устали и хотели побыть наедине с собой.

Вера снимала небольшую, но уютную квартир-ку в девятиэтажном доме, построенном ещё в конце прошлого века. Ей очень хотелось иметь свою собственную квартиру, но денег на новую жилплощадь она пока не скопила, а влезать в ипотеку побаивалась. Да и родители не советовали.

Она спокойно могла бы жить в квартире родителей, тем более что там у неё была своя большая комната с качественной мебелью, шкафом, полным её любимых книг, и фиалками, которые поливала мама, а в её отсутствие — соседка баба Нюра.

Зная, что Вера не любит, чтобы кто-то заходил в её комнату, даже если она там не живёт, мама на дачный период выносила все фиалки в зал, где о них и заботилась соседка.

Может быть, одной из причин того, что Вера не торопилась вкладываться в покупку жилья, было то, что она отлично знала, что когда-нибудь родительская квартира станет её собственностью.

Вернувшись с моря, Вера, даже не распаковывая, бросила чемодан на съёмной квартире, приняла душ, съела пачку печенья, завалившуюся в шкаф,

запила наскоро заваренным из пакетика чаем и сразу же поехала на дачу к родителям.

Нет, вовсе не для того, чтобы попросить совета у матери или хотя бы рассказать ей о том, что к ней наконец-то посватался достойный претендент на её руку.

С точки зрения родителей, Андрей Иванович Данилов, несомненно, был достойным претендентом. А как же иначе! Глава собственной успешной, хоть и небольшой фирмы, развитие которой, по всему видно, набирает обороты.

Неважно, что Андрею Ивановичу уже тридцать девять лет. Ведь и Вера уже давно не девочка. Как ни крути, тридцать лет — не юная дева. Намечающаяся лысина Данилова родителей тоже не смутит, как и рыхловатая фигура. Разве что отец Веры Матвей Семёнович пропишет будущему зятю дачетерапию. Евдокимов был уверен, что именно работа на даче помогает ему не набирать лишний вес и сохранять хорошее здоровье. Татьяна Васильевна в этом конкретном случае охотно согласилась бы с мужем.

То, что Андрей ни разу не был женат, родителями Веры зачтётся ему в плюс — алименты брошенным детям платить не надо.

Саму Веру смущали и лысина шефа, и полнота, и то, что он до сих пор оставался холостяком.

Она как-то раз попыталась выспросить его о бывших пассиях, но Андрей Иванович только мялся и потел. Вот Вера и подумала, что никаких прежних пассий в жизни шефа не было. В чём охотно признавался Данилов, так это в том, что практически всю свою жизнь учился, и притом на отлич-

но. Посудите сами: школа с золотой медалью, вуз с красным дипломом, стажировка сначала в столице, потом за рубежом и, наконец, создание своей собственной фирмы.

Из близких людей у Андрея Ивановича была только мама. Но её уже несколько лет как нет на белом свете. Был он поздним ребёнком, родился, когда матери уже было далеко за сорок, вернее, почти пятьдесят. Отца своего Данилов не знал. Мама говорила ему, что забеременела совершенно случайно от капитана корабля. Помните, есть такая народная песня «Однажды морем я плыла...».

Короче: «А капитан приветлив был. В каюту пригласил». А через 9 месяцев, как следствие, родился сын. Мама Данилова была в то время на берегу, а где был капитан и был ли он вообще, неизвестно. Зато мама работала на хорошей партийной должности и сумела создать сыну все условия для комфортной жизни и получения хорошего образования.

Других родственников у Данилова не было. Да и друзьями он не обзавёлся. Хотя круг нужных людей и даже добрых приятелей у него был довольно широк.

На Веру Андрей Иванович положил глаз чуть ли не с первого дня её работы в фирме. Сначала он, наверное, обратил внимание на деловые качества новой сотрудницы, а они были у Веры выше всех похвал. К своей работе бухгалтера она относилась с полной ответственностью и, как это ни странно, любила её всей душой. По крайней мере, на работу она каждое утро отправлялась в хорошем на-

строении. Так что в отношении выбора профессии у Веры всё сложилось удачно, а исходя из того, что на работе мы проводим треть своей жизни, а некоторые и значительно больше, в этом ей повезло.

Если что-то и печалило Веру, то только её никак не складывающаяся личная жизнь, вернее отсутствие женихов. Просто парни у неё были, и на свидания она регулярно ходила, время от времени завязывались какие-никакие отношения, но их тоненькая ниточка обрывалась после нескольких ничего не значащих встреч.

Была у Веры школьная подруга Клава Лаптева, правда, теперь она Клавдия Сергеевна, так как сама стала учительницей младших классов. В своей мелюзге она души не чаяла и отдавала детям, доверенным ей, всю свою нерастраченную любовь и заботу. Клава давно разуверилась в своей женской привлекательности. Она даже отбросила всякую мысль о том, что может кому-то понравиться.

— Верка, ладно я — курносая, круглолицая, нефигуристая, волосы как мышиный хвостик, в очках, понятно, что если даже парни случайно на меня один раз глянут, то второй раз уже не захотят. Но у тебя не должно быть отбоя от женихов: ты и симпатичная, и фигуристая, у тебя и глаза, и волосы — просто чудо. И не дура! Не пойму я, чего мужикам надо, — вздыхала подруга сокрушённо.

— Может быть, всё дело в том, что не дура, — грустно отшучивалась Вера.

Верина мама Татьяна Васильевна Евдокимова считала, что всё дело в месте работы дочери.

— Кто там тебя в твоей бухгалтерии увидит, — говорила она дочери не раз, — одни женщины во-круг крутятся.

Вера и на самом деле до недавнего времени работала в организации, где в основном трудились женщины.

Но ведь она ходила в театры, на выставки, в кафе.

На что та же мама говорила ей, что на все культурные мероприятия также ходят в основном женщины, либо одни, либо с подругами. А если там и появляются мужчины, но только с жёнами и любовницами. Так что дочери и там ничего не светит.

— Да и в кафе мужики со своим самоваром таскаются, — добавляла мама.

Поэтому в первый же день работы Веры на новом месте Татьяна Васильевна спросила, водятся ли там холостые мужчины.

— Этого я пока не знаю, — ответила дочь.

— Так узнай!

— Мама! Не могу же я спрашивать их всех, жены-ты они или холосты.

— На руки смотри — есть обручальное кольцо или нет.

— Сейчас многие мужчины обручальных колец не носят.

— Это они их на курортах не носят, — не соглашалась мама, — а на работу как миленькие надевают, соблюдают дресс-код уважаемых мужчин.

Вера даже зауважала её невольно, ведь она не имела ни малейшего понятия о столь глубоких познаниях матери об офисной жизни.

Поймав первый заинтересованный взгляд Андрея Ивановича, девушка не придавала ему особого значения. Ну посмотрел, что тут такого, на то у него и глаза есть.

Дальше — больше, Данилов стал уделять ей значительно больше рабочего времени, чем другим сотрудникам, оказывать знаки внимания, правда, делал он это ненавязчиво, даже застенчиво. И из-за этого его особое отношение к девушке стало бросаться в глаза другим сотрудникам. Некоторые из них даже стали делать ей намёки, многозначительно кивая на шефа. Но Вера только отмахивалась. Он же ей ничего такого не говорил! Зато начальник отдела рекламы кому-то шепнул за её спиной: «Новая бухгалтерша у нас толстокожая, как слониха». В ответ раздался тихий девичий смешок. Вера подумала: «Обидеться на них, что ли?» Но потом только махнула рукой, и всё пошло по-прежнему или почти по-прежнему.

Вера устроилась на работу в начале зимы, и холодные месяцы прошли как-то незаметно. Наступила весна, засверкали зеркальными отсветами лучей осколки луж на тротуарах, лица прохожих избавились от зимней хмурости, многие улыбались, глядя на расцветшие прямо на обочинах дорог жёлтые цветы мать-и-мачехи.

Когда же Вера поняла, что шеф ухаживает за ней с серьёзными намерениями, она даже растерялась от неожиданности. И только потом стала думать о том, нравится ей этот человек или нет.

Конечно, в нём была уйма положительных качеств, да и перспективы на будущее вырисовывались солидные.

Только казался ей Андрей Иванович слишком скучным, каким-то пресным. Однако страх остаться одной подсказывал ей, что отталкивать Данилова нельзя. Да и подружка Клава твердила ей, что такими женихами, как Данилов, не разбрасываются.

Матери Вера до сих пор ничего о внимании к ней шефа не говорила. Во-первых, ещё было неизвестно, сделает Андрей ей предложение или нет. А во-вторых, не хотелось выслушивать очередную лекцию о том, как привязать к себе мужчину.

Вере после этих слов Татьяны Васильевны всякий раз хотелось сказать матери, что мужчина не собака и не козёл, чтобы его куда-то привязывать. Но вслух своего недовольства девушка ни разу не высказала, так как понимала, что мать хочет сделать для неё как лучше.

Однако всем известно: «Хотели как лучше, а вышло как всегда» или более древнее: «Благими намерениями...» и далее по тексту.

Но вот наконец Андрей набрался смелости и сделал ей предложение. А она, вместо того чтобы испытать бурную радость, перепугалась не на шутку и попросила у Андрея отсрочки. Как будто это может что-нибудь изменить в её отношении к Данилову. Ей давно уже было ясно, что она не любит его как мужчину, хотя уважает и ценит как умного руководителя и порядочного человека. Но жить ведь ей не с его умом и талантами, а с телом и где-то характером.

И вот теперь, сидя на крыльце родительской дачи, Вера ела сочное яблоко, смотрела в сад и ума не могла приложить, что же ей делать.

Исподволь закрадывалась мысль, что если она отвергнет Андрея, то и с работы ей, наверное, придётся увольняться. А где ещё она найдёт такую комфортную и хорошо оплачиваемую...

А если мало зарабатывать, то нечем станет платить за съёмную квартиру и придётся переехать жить к родителям. А Вере ой как этого не хотелось!

Да и перспективное замужество, что сейчас само плывёт ей в руки, будет утеряно навсегда. И навряд ли на её горизонте появится ещё один состоятельный человек, который захочет на ней жениться.

Клава вон любит рассказывать к месту и не к месту анекдот, что все девушки ждут принца на белом коне, а приезжает пьяный король на трамвае. Да и какой он король...

«Бедная Вера», — шепнула рябина, растущая возле крыльца, и провела влажной веткой по щеке девушки.

«Рябине к дубу не перебраться, — подумала Вера, — это хорошо, что от ветра дом загораживает. А ей, Вере, что мешает перебраться к мужчине, который в ней души не чает? Только её глупое сердце...»

* * *

Вечерело...

Андрей сам не знал, зачем он на ночь глядя отправился в парк и теперь в полном одиночестве сидел на скамейке и смотрел, как сквозь тёмные тополиные листья сочилась изумительная голубизна осеннего неба. И на сердце его была такая печаль, хоть плачь.

Почти всю свою жизнь Андрей посвятил учёбе и карьере. Этому его с раннего детства учила мать.

На личную жизнь времени не оставалось, но он думал: «Какие мои годы, ещё успею». Его мать, наверное, говорила точно так же и в результате запрыгнула на ходу в последний вагон уходящего поезда и получила от судьбы пусть не полноценную семью, но хотя бы сына. А у него даже так не получится. Пока Андрею не было тридцати, он отвечал всем сующим нос в его личную жизнь: «Нахожусь в активном поиске». Когда же он перешагнул тридцатилетний рубеж, то просто перестал отвечать на бестактные вопросы, да и желающих задать их с каждым днём становилось меньше. Объяснялось это просто: Андрей к этому времени поднялся на ту ступень, на которой равных было немного, и никто из них не был с ним в приятельских отношениях. А партнёры задают совсем другие вопросы. Так что Андрей расслабился и полностью погрузился в производственные дела, которые всегда интересовали его и давали ему стимул двигаться дальше. И вдруг Вера! И откуда она только свалилась на его голову?

На самом деле понятно откуда — с биржи труда, ведь именно оттуда девушку направили в отдел кадров его фирмы.

Так что небеса тут ни при чём. Хотя Андрею, в общем-то не склонному к романтизму, часто казалось, что Вера явилась к нему всё-таки по воле небес.

Андрей поёжился, стало уже довольно прохладно. И чего, спрашивается, он сидит тут и кукует в одиночестве?

Всё из-за неё! Из-за Веры! Он влюбился в неё как зелёный юнец и рассчитывал на взаимность. Ведь она тоже не девочка. Он знал, что Вере исполнилось тридцать лет. И это его вполне устраивало. Данилов даже в страшном сне не думал жениться на длинноногой пышногрудой девице с губами в пол-лица. Ему хотелось видеть рядом с собой милую умную женщину, разделяющую его взгляды на жизнь.

Правда, когда он увидел Веру, то весь его годами складывающийся идеал разлетелся в пух и прах! Он понял, что влюбился.

Его долгие неуклюжие ухаживания за Верой, наверное, веселили всю фирму, хотя, естественно, вида никто не подавал. И вот он, краснея и бледнея, предложил ей поехать с ним отдохнуть на море. И она, к его неопишуемой радости, согласилась. Выбор, куда именно ехать, он предоставил Вере. Она выбрала Сочи. Поначалу всё складывалось замечательно! Правда, жили они в разных номерах, и Андрей не решался переступить черту. Ему казалось, что первые две-три ночи Вера ждала, что он постучит в её номер. И в то же время каким-то шестым чувством Андрей чувствовал, что она не хочет этого. И он оправдывал её, внушая себе мысли о том, что Вера — девушка немного старомодная, как, впрочем, и он сам. И их первая ночь должна произойти после свадьбы. А не так, как сейчас у некоторых. Андрей на миг представил беременную Веру в фате и белом платье и ужаснулся.

«Нет, у нас всё должно произойти так, как положено», — думал он. И вот, набравшись смелости, он

сделал Вере предложение и подарил ей кольцо, которое предусмотрительно взял с собой.

В первое мгновение Вера обомлела, он видел, как засверкали её глаза! Но потом что-то пошло не так...

Вера не отказала ему, но попросила время на обдумывание. Он сразу понял, что это не каприз, не попытка набить себе цену. Просто Вера... Вера не любит его.

И, к своему собственному изумлению, он понял, что согласен на то, что Вера выйдет за него замуж без любви. Лишь бы вышла, им на двоих хватит одной его любви. Он будет холить и лелеять её всю жизнь и, чего бы это ему ни стоило, сделает её счастливой.

Глава 2

Вера услышала, как сорвалось с ветки яблоко и мягко шлёпнулось о землю. «Вот, сидела бы я под яблоней, — думала Вера, — яблоко бы упало мне на голову, и посетило бы меня озарение. Хотя нет, — оборвала она сама себя, — я ведь не Ньютон!»

— Вера! — донёсся до девушки голос матери с террасы. — Уже поздно, иди домой, а то насидишься на холодном крыльце, застудишь придатки, и я внуков не дождусь.

«А если я их не застужу, — уныло подумала Вера, — то, можно подумать, ты их дождёшься». Но спорить с матерью не стала и пошла в дом. Они вдвоём попили чаю на тёплой террасе, отец уже

спал. Он завтра ни свет ни заря собирался на рыбалку.

Мать расспрашивала Веру о море, о городе. Сама она была в Сочи ещё при советской власти, более тридцати лет назад, и хранила в своей памяти светлые воспоминания, как хранят привезённые с моря камушки и ракушки.

Вера пожимала плечами, отшучивалась: город как город, море как море. Ну что ты, мама, право, как маленькая.

Татьяна Васильевна решила и спросила:

— А как у тебя с ним?

— Пока никак, — поскуchnела Вера и отвела взгляд.

— Чего же это он тянет-то, — забеспокоилась мать, — ты смотри, Вера, осторожнее.

— А то поматросит и бросит, — передразнила дочь.

— А что, он начальник! — воскликнула Татьяна Васильевна. И тут же, прикрыв рот ладонью, она оглянулась в сторону комнат, опасаясь, как бы не разбудить мужа.

— Мама, ну что ты, — укоризненно проговорила Вера, — мы же с Андреем уже не дети.

— Ну и что с того! — снова забывшись, повысила голос Татьяна Васильевна. — Ты девушка неиспорченная, чистая. Таких, как ты, в наше время днём с огнём не сыщешь!

— Мама, не говори глупости, — отмахнулась Вера, почему-то невольно представив бродящего в поисках настоящего человека днём с фонарём Диогена, и зевнула, делая вид, что хочет спать. Пожелав

матери спокойной ночи, она ушла в свою комнатку с окном, выходящим в сад.

Но спать Вере вовсе не хотелось. Она ворочалась с боку на бок. За окном светила луна и заговорщически перемигивались звёзды, делая вид, что они прекрасно осведомлены о проблемах Веры, которые не дают ей заснуть. Девушка встала, прошлёпала босыми ногами к окну и наглухо занавесила окно плотной шторой. Но лучше от этого не стало, и сон так и не пришёл. Она услышала, как проснулся отец и стал собираться, вот наконец за ним захлопнулась дверь, и тогда встала Вера. Она умылась и тихонечко, на цыпочках прокралась на кухню, стараясь не разбудить мать. Но та спала так чутко, что просыпалась от малейшего шороха. Теперь же она и вовсе, должно быть, ещё не успела заснуть, разбуженная вознёй мужа. Поэтому, накинув халат, она вышла на кухню и сердито спросила Веру:

— Доча, ты чего в такую рань поднялась?

— Хочу успеть на первую электричку, — отозвалась Вера нехотя.

— На какую такую электричку? — не поняла мать. — Зачем? Сегодня же суббота! Я думала, что ты уедешь от нас только завтра вечером.

— Вот именно что суббота, — машинально проговорила Вера, — я столько времени отсутствовала, что у меня от беспокойства душа не на месте.

— Какого ещё беспокойства? — Брови Татьяны Васильевны взлетели вверх.

— Да о делах фирмы, мама! Я же тебе говорила, что месяц назад, после того как Софья Макаровна

ушла на пенсию, меня назначили главным бухгалтером.

О том, что дочь назначили главным бухгалтером, Татьяна Васильевна прекрасно помнила, но она не могла понять того, зачем так надрываться на работе, тем более если собираешься выйти замуж за начальника.

— Мама, я и так по сравнению с Софьей Макаровой мало времени провожу на работе, — пыталась втолковать матери Вера.

— Твоей Макаровне просто дома делать было нечего, — ворчала мать, — это надо же, старухе уже было девяносто лет, а она всё за кресло обеими руками держалась! — возмущению Татьяны Васильевны не было границ.

— Не девяносто, а восемьдесят девять, — стараясь скрыть улыбку, поправляла мать девушка.

Вообще-то Вера не собиралась ни на какую работу. Она ещё вчера из электрички позвонила Клаве и сказала, что в субботу приедет к ней почирикать о своём, о девичьем. Во время Вериного звонка раздался какой-то громкий грохот. Вера догадалась, что это Клава на радостях опрокинула стул или журнальный столик. Она отлично помнила, что когда Клава сильно радуется, то обязательно что-то роняет. К счастью, обычно это бывает что-то небьющееся.

— Что там у тебя опять грохнулось? — на всякий случай спросила Вера.

— Ничего особенного, стопка книг рассыпалась. Я тут для своих готовлю новогоднюю программу.

Вера знала, что своими подруга называет маленьких учеников, удивление она высказала по другому поводу,

— Клава, ты на календарь смотрела?

— А зачем? — не поняла подруга.

— Ещё только сентябрь!

— Так я должна изучить материал и всё распечатать заранее. Не подготовившись, второпях можно такого нагородить, что меня из школы вышвырнут как шелудивого поросёнка.

Вера не выдержала и, несмотря на своё невесёлое настроение, рассмеялась:

— Невелика потеря.

— Для кого как, — серьёзно ответила Клава, — ты же знаешь, я без своих малышей жизни не представляю.

— Везёт же некоторым, — пробормотала она.

— Я тоже думаю, что мне повезло, — охотно согласилась подруга.

— Я не тебя имела в виду, а твою малышню. Таких дур, как ты, что пашут за копейки не только в учебное время, но и сверх него, поискать ещё нужно.

— Верка! Ты, как всегда, преувеличиваешь. Платят мне очень даже ничего.

— Если перевести это на нормальный язык, то прозвучит: «Платят столько, чтобы не умереть с голоду».

— Да ладно тебе занудствовать, — отмахнулась Клава. — А знаешь... — голос Клавы замер в трубке, Вера догадалась, что подруга задумалась.

— Что я знаю? — поторопила она её.

— Иногда мне кажется, что не мне надо платить зарплату, а я должна приплачивать за возможность работать с детьми.

— Я же говорю, дура, — вздохнула Вера.

— Неправда! — оптимистично выпалила Клавдия. — Я счастливый человек! Моя работа доставляет мне столько удовольствия, что я просто на крыльях летаю!

— Твоя взяла, — вздохнула Вера.

— Ну, вот видишь! — торжествующе воскликнула Клава и, кажется, опять что-то уронила.

— Напрасно радуешься, я имела в виду только то, что ты ангел.

— Почему? — растерялась Клава.

— Потому что за те деньги, что платят учителям, работать с нынешними детишками да ещё радоваться этому могут только ангелы. Да ты и сама сказала, что у тебя уже крылья отросли.

Клава хотела что-то ответить, но Вера торопливо проговорила:

— Всё-всё, я подъезжаю. — И быстро отключила телефон.

Так что в город она едет не на свою фирму, а скоротать день с подругой. Тем более что свободные субботы у Клавы большая редкость.

Но не говорить же об этом матери! Иначе не миновать кучи укоров и даже слёз. На самом деле Вера любила своих родителей, просто на даче сидеть она не любила. Ей там было скучно. Конечно, на даче всегда есть чем заняться, но Вере не нравилось копать в земле. Не её это было занятие. Поэтому, едва приехав на дачу, она уже рвалась в город.

На обратном пути из электрички Вера предупредила Клавдию, что скоро будет у неё. На съёмную квартиру она решила не заезжать, сразу же направилась к Клаве.

— Куда-нибудь пойдём? — спросила подруга.

— Куда?

— Можно в парк или на набережную. Поговорим и заодно свежим воздухом подышим. Смотри, какая стоит чудесная погода! — вдохновенно пропела Клава. — Даже не верится, что уже начало сентября.

— Нет, давай просто посидим у тебя, — ответила Вера. Свежим воздухом она уже надышалась на даче у родителей. К тому же ей хотелось поговорить с Клавой наедине, так, чтобы рядом не было даже случайных чужих ушей.

— Ну, как хочешь, — согласилась Клава.

И Вера мысленно в который раз поблагодарила судьбу за то, что у неё есть такая покладистая и независтливая подруга. Второе качество она ценила даже больше, чем первое. Клава умела так искренне радоваться чужим удачам и успехам, что рассказывать ей о них было одним сплошным удовольствием.

Хотя на этот раз Вера не знала, можно ли считать удачей то, что шеф предложил ей выйти за него замуж. Или она всё-таки лукавила, притворяясь даже перед самой собой? Вера затруднялась с ответом. Ей казалось, что она окончательно запуталась в своих чувствах.

Странным было то, что при сложившихся обстоятельствах она продолжала считать Данилова не просто Андреем, а именно шефом, то есть по сути

своей чужим человеком. «И как же мне выходить замуж за чужого человека?» — спросила она себя, и тотчас на ум ей пришёл старый анекдот, в котором молоденькая девушка, собравшись под венец, укоряет мать: «Ты, мама, сама вышла за папу, а меня за чужого человека отдаёшь». Губы Веры искривилась грустная усмешка. Только ведь её никто насильно замуж не выдаёт. Просто, как говорят в народе, часики её тикают...

Едва она нажала на звонок Клавиной квартиры, как дверь сразу распахнулась. «Не иначе как Клава меня под дверью стерегла», — подумала Вера. Но оказалось всё проще. «Я из окна выглянула и увидела, что ты идёшь, — простодушно призналась подруга, — так я со всех ног к двери».

Едва переступив порог, Вера почувствовала запах жареной курицы и пряный аромат яблочного пирога с корицей. Клава была отменной кулинаркой, этот талант перешёл к ней от матери, обе они могли сотворить вкуснейшее блюдо из минимума самых обычных продуктов. По идее, Клава была настоящим сокровищем, но мужчины смотрели не на её золотые руки и чистую душу, а на круглое лицо и большие очки на курносом носу с россыпью веснушек.

Вера тоже умела хорошо готовить, но не любила, поэтому обходилась полуфабрикатами, а вкусно поесть она могла у родителей или у Клавы, которая всегда искренне радовалась её приходу. К чести Веры надо сказать, что гостеприимством Клавдии она старалась не злоупотреблять, знала, что школьные дела поглощают не только рабочее вре-

мя подруги, но и большую часть её так называемого свободного времени. Сама она всегда с тихим ужасом смотрела на горы тетрадей, которые проверяла Клава, и так изо дня в день, этот труд вполне заслуженно можно было бы приравнять к каторге на галерах.

Сегодня Вера напросилась к Клаве домой только потому, что хотела если не посоветоваться с ней, то хотя бы пожаловаться на судьбу...

Вера прошла было сразу на кухню, но, оказываясь, Клава накрыла стол в зале.

— У тебя что, праздник, что ли, какой-то? — в притворном удивлении округлила глаза Вера.

— Конечно, праздник! — смешно всплеснула руками Клава. — В кои веки подруга в гости пожаловала.

— Что ты выдумываешь, — отмахнулась Вера.

— Ничего я не выдумываю! — пылко заявила хозяйка дома. — Но, если честно, я в зале накрыла, чтобы нас с балкона обвеивало ветерком! У меня там до сих пор петунии цветут и душистый табак! И мы с тобой вроде бы сидим на террасе кафе.

— Ну и выдумщица ты, Клавка! — рассмеялась Вера.

— А ты сама посмотри, как здорово получилось! — Она схватила Веру за руку и потянула в зал.

Получилось на самом деле не просто здорово, а великолепно! Уставленный яствами стол Клава придвинула поближе к балкону. Лёгкий ветерок не только вносил в комнату аромат цветов, но и надувал на окне ажурную занавеску, и она реяла, точно парус.

— Давай сначала съедим курицу, пока она горячая, — предложила Клава, — а потом обменяемся новостями.

— Давай, — согласилась Вера, — только тебе не кажется, что ты переоценила наши способности относительно зверского аппетита?

— Почему зверского? — удивилась Клава.

— Потому что иначе двум хрупким девушкам никак не осилить целую курицу.

— Насчёт хрупкости ты мне явно льстишь. Хотя ты у нас грациозна как газель.

Вера рассмеялась.

— Смейся, смейся, — шутливо погрозила ей пальцем Клава, — садись за стол. Съедим столько, сколько съедим. А остальное на потом оставим.

Девушки уселись за стол и сосредоточили всё своё внимание на курице. Её золотистая корочка так славно хрустела на их молодых зубах, а нежное мясо просто сочилось вкусным соком... И так случилось, что они сами не заметили, как от жаркого осталась только горсточка костей.

— Ну вот, а ты говорила, — удовлетворённо проговорила Клава, вытирая салфеткой жирные губы и руки.

— Да уж, потрудились мы на славу, — согласилась Вера и оглядела тарелки так, словно не могла поверить собственным глазам.

Они убрали со стола лишнюю посуду, заодно на кухне перемыли тарелки и сервировали стол для чая. Чаепитие началось с торжественного разрезания яблочного пирога.

— А теперь выкладывай, что у тебя стряслось, — сказала Клава.

— С чего ты взяла, что у меня что-то стряслось? — притворно удивившись, спросила Вера.

— Догадалась по твоему голосу, когда ты звонила по телефону, а теперь по твоему виду уверилась в том, что моя догадка верна.

— На мне что, это крупными буквами написано? — невесело рассмеялась Вера.

— Можно сказать и так, — согласно кивнула подруга.

— Ну ты, Клавка, даёшь!

— Ничего я не даю, — серьёзно ответила Клава, — не забывай, что я училась в педагогическом.

— И что?

— А то, что в институте нас учили психологии.

Вера тихо вздохнула.

— Ты чего? — испуганно спросила Клава.

— Да вот, думаю, стоило тебе институт оканчивать, чтобы потом всю жизнь с малявками возиться.

— Стоило, — уверенно ответила Клава и сказала: — Но давай лучше поговорим о тебе.

— Давай, — кивнула Вера и замолчала.

— У тебя что-то на работе не ладится? — осторожно подтолкнула её Клава.

— Да нет, на работе всё прекрасно.

— Может, тебя Андрей Иванович обидел или погода в Сочи была плохая?

— Никто меня не обидел, и погода была прекрасная.

— Тогда выкладывай! — велела Клава. — Не ставляй меня нагромождать одну догадку на другую.

— Короче, Клава, Андрей Иванович сделал мне предложение! — выпалила Вера.

— Да что ты, Верка! — радостно воскликнула Клава. — Как я рада за тебя! Как я рада!

— А я за себя не очень, — тихо выдавила из себя Вера.

— Это ещё почему? — растерялась Клава.

— Не знаю, — пожала плечами Вера, — не лежит у меня к нему душа.

— Он что, плохой человек? — всполошилась подруга.

— Нет, человек он как раз таки хороший.

— Тогда в чём дело?

— Сама не знаю, понимаешь, он кажется мне рохлей.

— Рохлей? — удивилась Клава. — Не может такого быть! — заявила она категорично.

— Это ещё почему? — удивилась Вера.

— Потому что рохли в бизнесе не работают и тем более не создают собственных фирм. Можешь поверить моему опыту.

— Твоему опыту? — невольно рассмеялась Вера. — Где же ты набралась этого опыта? Твои малявки точно ещё не создают своих фирм и не трудятся на чужих.

— Это да, — согласилась Клава, — но ты забываешь, что у них есть родители! И кого среди них только нет! А мне со всеми приходится общаться, находить к ним подход.

— Бедная ты головушка! — воскликнула Вера.

— Это ещё почему? — удивилась Клава.

— Мало тебе малявок, так ещё и с их родителями приходится возиться.

— Ничего я не бедная! — решительно отмела сочувствие подруги Клава. — Я очень даже счастливая. А то, что родителей тоже нужно направлять в правильное русло, не мной открыто. Важно не только найти подход к каждому ребёнку, но и с родителями поладить. Так что ты не перекладывай с большой головы на здоровую и не наговаривай на своего Андрея.

— Он пока не мой.

— Насколько я поняла, тебе стоит только руку протянуть, и он будет твоим. Или я ошибаюсь?

— Ты не ошибаешься, — вздохнула Вера.

— Я, конечно, не знаю, какие ты испытываешь к нему чувства и на чём они основываются, но могу дать тебе только один совет: подумай хорошенько, прежде чем отказывать, как ты сама сказала, хорошему человеку. Нам уже с тобой обоим по тридцать. Мне-то точно век старой девой куковать. А к тебе счастье само в руки идёт. Привяжешься к нему и полюбишь, тем более когда дети появятся. Но решать, конечно, тебе.

— Эх, Клава! — в отчаянии воскликнула Вера. — Мне как в русской пословице: «И хочется, и колется, и мама не велит».

— Ну, маму ты сюда однозначно напрасно приплела, — усмехнулась Клава, — насколько я знаю Татьяну Васильевну, она будет двумя руками за. Кстати, ты рассказала ей об Андрее?

— Нет, — покачала головой Вера. — Вернее, то, что мы с ним ездили вместе отдыхать, она знает, но

что Данилов сделал мне предложение, я ей не сказала. И пока не собираюсь.

— Почему?

— А то ты сама не знаешь! Она как вцепится в меня, так и не отпустит, пока до загса не дотащит.

Клава рассмеялась.

— Моя мама точно так же поступила бы, только ей вцепляться не в кого.

— А хочешь, я тебя с Андреем познакомлю? — неожиданно спросила Вера.

— С ума сошла! Это ещё зачем?

— Может, ты ему больше понравишься, — задумчиво глядя на подругу, проговорила Вера.

— Не говори глупостей, — рассердилась Клава, — я у подруг женихов не отбиваю, и тебе это прекрасно известно.

— Прости, я неудачно пошутила, — пробормотала Вера, хотя предложение её вовсе не было шуткой. Ей на самом деле хотелось свести шефа и подругу и посмотреть, что из этого получится. Но, хорошо зная свою подругу, она была уверена, что Клава никогда не согласится на предложенную ей авантюру, только рассердится всерьёз. А сердиться Клава умела по-настоящему, хоть и делала это очень редко.

Разговор с Андреем перешёл на другие темы. Время прошло незаметно, и так случилось, что обе одновременно посмотрели в окно и увидели, как ярко-оранжевый солнечный шар скатывается к закату, оставляя после себя вереницу пылающих облаков и разноцветную россыпь бликов.

— Засиделась я у тебя сегодня, — сказала Вера, — пора и честь знать.

— Оставайся ночевать, — предложила Клава, — ведь завтра воскресенье.

— Спасибо, — вздохнула Вера, — хорошо у тебя, подруженька, но мне надо побыть одной, — сказала Вера.

— И то верно, — согласилась Клава. — Надеюсь, ты соберёшься с мыслями и примешь верное решение.

— Я тоже на это надеюсь, — едва слышно выдохнула Вера.

Глава 3

Каждый день по пути на работу Вера, сокращая путь, проходила через маленький, но уютный парк. В его липовых и каштановых аллеях по вечерам обнимались влюблённые парочки, ближе к вечеру в парк стекались самодеятельные музыканты, утром гуляли собачники, несмотря на то что их оттуда регулярно прогоняли. Особо предусмотрительные из них носили с собой на западный манер совочки и мешочки, с помощью которых убирали за своими питомцами. Ко многим спокойным собакам местные обитатели привыкли, и на них не набрасывались даже гуляющие там же мамочки и бабушки с детьми. Как-то так само сложилось, что атмосфера в парке была умиротворяющей. Здесь же демонстрировали и продавали свои работы художники, кото-

рым были недоступны галереи и которым не хватило места на пешеходной улице города.

Вера, собственно говоря, не только никогда не интересовалась работами этих художников, она даже ни разу не посмотрела в их сторону, считая, что все талантливые живописцы выставляют свои полотна в вернисажах. А то, что можно увидеть в парке, может понравиться разве что деревенским простушам или горожанкам, живущим на окраине, в уцелевшем с начала прошлого века частном секторе. Откуда в ней зародился этот снобизм, сказать трудно. Несомненно, районный парк — не парижский Монмартр, но всё же, всё же...

В это утро Вера больше смотрела себе под ноги, занятая мыслями о том, что через каких-нибудь полчаса она встретится с Андреем...

А она так и не решила, что ответить ему. Разум говорил ей о том, что нужно согласиться, и немедленно. А глупое сердце сопротивлялось, сердцу хотелось мистерии чувств, романтизма и даже где-то немного пострадать. Вера удивлялась сама себе: неужели всё это время в ней спала уездная барышня позапрошлого века?

Она обо что-то споткнулась и чуть не упала. Но кто-то вовремя подхватил её под локоть.

— Ой, простите, — раздалось у неё над ухом.

Вера подняла голову и встретилась взглядом с упоительно голубыми глазами. Они были такими чистыми и бездонными, что казались неотъемлемой частью небес. Вера помотала головой и только тут сообразила, что глаза эти принадлежат художца-

вому, хорошо сложенному блондину среднего роста. Он стоял теперь напротив неё и улыбался, демонстрируя два ряда некрупных, но ослепительно белых зубов.

Только тут до неё дошло, что, задумавшись, она на шаг свернула с дорожки и налетела на одну из картин.

— Это, кажется, не вы, а я должна извиняться, — смутившись, пробормотала Вера.

— Ну что вы, — ещё шире улыбнулся он.

Вера наклонилась и подняла картину. Едва взглянув на неё, она почувствовала что-то наподобие солнечного удара. Хотя нет, это не могло быть связано с солнцем. Ведь на картине была осень, а если ещё точнее, то ласточки, улетающие в тёплые края. Ей сразу вспомнилась строка из стихотворения Джона Китса «Ода осени», и сразу в двух переводах. Первый в переводе любимого ею Маршака — «И ласточки щебечут в память лета». Второй, который на данную минуту казался ей наиболее подходящим, в переводе М. Новиковой — «И ласточки щебечут на отлёт».

Не понимая, что и зачем она делает, Вера схватила картину, прижала её к себе и выпалила:

— Я покупаю у вас эту картину! Сколько я вам должна?

— Эта картина не продаётся, — услышала она слегка насмешливый голос.

И тотчас подняла глаза. «Он что, смеётся надо мной?» — пронеслось у неё в голове. Но как она ни

вглядывалась в лицо художника, теперь на нём не было и следа от улыбки.

— Мы, кажется, не поняли друг друга. — Вера полезла в кошелёк, достала деньги и протянула их художнику. — Надеюсь, этого хватит. — Она постаралась, чтобы голос её прозвучал как можно строже.

— Вполне, — кивнул он, — но я уже сказал, что эта картина не продаётся.

— То есть? — растерялась Вера. — Зачем же тогда она здесь находится?

— Эта картина ждала вас, — его голос прозвучал с ласковой вкрадчивостью.

— Что? Что вы сказали? — Брови Веры взметнулись вверх.

— Отчего же вы так удивляетесь, милая девушка? Вы сами нашли эту картину или картина притянула вас. Это неважно, но вы нашли друг друга.

Вера по-прежнему смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Я не могу продать вам эту картину, — проговорил он на этот раз грустно, — но я могу вам её подарить! — Его глаза осветились внутренним светом. — Так что уберите свои деньги, забирайте картину и ступайте.

— Куда ступать? — зачем-то спросила Вера.

— Я не знаю, — он пожал плечами, — вы ведь куда-то шли.

— На работу.

— Ну так вот. Или вы передумали? — В его глазах блеснул лукавый огонёк.

— Ничего я не передумала, — сердито отозвалась Вера, — как можно передумать идти на работу?

Он снова пожал плечами,

— Мне это неведомо.

— В смысле? — удивилась Вера.

— В том смысле, что я там давно не был.

— Не были где?

— На официальной работе. Моя работа здесь, — он обвёл широким жестом пространство вокруг себя, — и в мастерской.

— У вас есть мастерская? — почему-то заинтересовалась она.

— Если можно так выразиться, — прозвучал его уклончивый ответ.

— Интересно, — сорвалось с губ Веры.

— Если интересно, то я могу вам её показать.

— Только не сейчас, — поспешно отозвалась девушка.

— Естественно, — мягко улыбнулся он, — сейчас ведь вы торопитесь на работу.

— Да. — Вера повернулась, чтобы уйти.

— Значит, вы не хотите взять мою картину? — прозвучало ей в спину.

— Хочу, — обернулась она, — но я не могу принять такой дорогой подарок от совершенно незнакомого мне человека.

— Так за чем же дело стало, давайте познакомимся. Меня зовут Эдуард, Эдуард Прилунин, можно просто Эд. А вас?

— Вера Матвеевна Евдокимова.

— Можно просто Вера? — спросил он.

— Вера для своих, — нерешительно проговорила она.

— А разве мы уже не свои? — подмигнул он ей весело и открыто в то же время.

— Я даже не знаю...

— Что тут знать, забирайте картину! Дарю от всей души! — Он несколько театрально прижал руку к сердцу.

— В таком случае я её, пожалуй, возьму, — не слишком уверенно проговорила Вера.

— Конечно, возьмёте! Обратного пути нет.

Вера облегчённо рассмеялась, подхватила картину и собралась уйти.

— Э, так не пойдёт, — остановил он её.

— Что-то не так? — спросила Вера.

— За вами должок, — произнёс он небрежно.

— Какой должок? — не поняла Вера. — Вы же сами сказали, что подарили мне картину.

— Подарил, — кивнул он, — но вы сделали бы мне большое одолжение, если бы вечером согласились сходить со мной в кафе.

— В кафе? Зачем?

— Просто приятно провести время, друзья же ходят в кафе.

— А разве мы с вами друзья?

— А разве нет?

«Хотя почему бы и не сходить в кафе с этим симпатичным художником, — озорно промелькнуло в Вериной голове, — меня же это ни к чему не обязывает».

Она согласно кивнула:

— Хорошо, встретимся здесь же?

— Лучше у входа в парк в восемь вечера. Мне нужно будет завезти свои шедевры в мастерскую.

— Хорошо, — отозвалась Вера. Про себя она подумала, что успеет после работы зайти домой и переодеться.

Помахав на прощанье рукой новому знакомому, Вера заторопилась, она боялась, что потратила слишком много времени на разговор с Эдом и теперь может опоздать на работу.

Вера даже не догадывалась о том, что художник давно обратил внимание на симпатичную девушку, почти каждый день проходящую мимо него как мимо мебели. И ему очень захотелось не только познакомиться с ней, но и очаровать её. Окольными путями он сумел узнать, кто она, где и кем работает.

Эдуарду было двадцать семь лет. Он окончил художественное училище, в своё время ездил в Москву, Питер, Нижний Новгород и даже в Париж, участвовал в местных выставках, но пробиться на более высокий уровень ему не удавалось. Глядя на свои картины, он думал, что вроде бы не обделён талантом, и непонятно, почему галереи не спешат распахнуть перед ним свои двери. Может быть, развелось слишком много художников? Или он не умеет завязывать нужные связи?

И тем не менее картины его продавались, правда, ровно настолько, чтобы он не умер с голоду. Мастерскую он организовал себе в подвале дома, в котором дед, скончавшийся десять лет назад, оставил ему двухкомнатную квартиру. Родители его были геологами и всю жизнь пропадали в экспедициях. Эдик рос с дедом и бабушкой, потом только с дедом, чудом не загремел в интернат, когда остался абсо-

лютно один семнадцатилетним подростком. В детский дом он не попал по той счастливой случайности, что родители у него всё-таки имелись и регулярно присылали ему деньги на жизнь.

Снабжать Эда деньгами мать с отцом перестали после того, как ему исполнилось двадцать пять лет. Видимо, рассудили, что сынок сам уже здоровенный лоб и сможет самостоятельно о себе позаботиться. Эдуард принял решение родителей к сведению и не делал попыток на установление более близких родственных отношений. Они были и остались для него чужими людьми. Если бы не дед, то вообще неизвестно, что бы из него получилось.

И теперь ему часто не хватало деда. Эдуард был уверен, что, если бы дед был жив, его жизнь сложилась бы более удачно. Может быть, он сумел бы накопить денег на хорошую мастерскую. Сейчас же, стоило ему заработать приличную сумму, он пускал её на кутёж с друзьями, которые слетались на деньги как пчёлы на мёд и тотчас испарялись, как только деньги заканчивались. А ещё он любил потусоваться в ночных клубах и пустить пыль в глаза порхающим там девицам. Нет, не ночным бабочкам, а тем, которых в старину называли блудницами в хорошем смысле этого слова, то есть ищущим себе подходящего жениха. Среди них были студентки, служащие, дочери бизнесменов средней и мелкой руки и откровенные лентяйки, прожигательницы жизни.

Никому из них Эдуард в мужа не годился, и как только они это просекали, сразу растворялись в

ночи. Впрочем, Эдуард и сам не собирался жениться, всё, что он хотел от этих красоток, так это приятно провести время, и не только в клубе, но и в постели.

Благодаря своему красноречию и умению разглагольствовать на различные темы Эдуарду нередко удавалось удерживать приглянувшуюся ему девушку до тех пор, пока она не приедалась ему или на его горизонте не появлялась птичка с более яркими пёрышками и более приятным голоском.

Иногда он надолго забрасывал свою работу, пол в мастерской покрывался пылью, засыхали краски. Но голод не тётка, и как только он напоминал о себе, Эд снова становился прилежным художником и завсегдатаем выставочного пятачка в местном парке.

У него уже более полутора лет не было загулов, и старенькая соседка из квартиры напротив, тётя Варя, которая в память о его деде приглядывала за Эдом, надеялась, что он наконец-то остепенился.

— Жениться тебе надо, — чуть ли не каждую неделю твердила она ему.

А он отделивался от неё шуточками да смешками.

«Легко сказать — жениться, — думал он про себя, — а чем жену кормить? Обещаниями? А в ответ получать истерики и скандалы. Нет уж, он как-нибудь и холостяком проживёт».

Вера давно ушла, а Эдуард всё ещё задумчиво смотрел в ту сторону, где растаял её силуэт.

Он сам не знал, зачем привлёк внимание девушки к себе и подарил ей довольно дорогую картину, а главное, одну из самых любимых своих работ.

Ведь изначально он на самом деле не планировал её никому продавать, тем более дарить.

Сожалел ли он о своей щедрости? Как ни странно, нет. Он искренне хотел, чтобы картина жила в доме Веры. Именно жила, а не просто висела на стене. Ему хотелось, чтобы девушка смотрела на неё, мысленно погружалась в изображённый им мир. И, конечно, думала о нём.

Если бы его спросили, чем именно привлекла его к себе Вера, Эдуард затруднился бы ответить однозначно. Пожалуй, он бы сказал, что она необычная девушка. Хотя что значит необычная? Вера не была писаной красавицей, она не тянула на роль юной грациозной Музы. О том, какой она была внутри, в душе, он не знал. Скорее всего, необычной он воспринимал её чутьём художника. Было в ней что-то такое! Нет, не изюминка. Может быть, внутренний огонёк, который мерцал в глубине её внутреннего мира. И если художник сможет уловить отблеск этого огонька и ему удастся перенести его на своё полотно, то картина оживёт и не оставит равнодушным зрителя. Наверное, как-то так.

Но дано ли ему, Эдуарду, обмакнуть свою кисть в таинственный огонёк, притаившийся в Вериной душе?

«Во всяком случае, — думал он, — дело сделано. Он пригласил её на свидание, и она согласилась прийти».

Эдуарду Вера показалась искушённой женщиной. При всём своём развитом воображении он не мог представить, что Вера долгое время была одна.

Внутренний голос подсказывал ему, что у неё и теперь кто-то есть.

Но наличие соперника только заводило Эдуарда. Ему хотелось сойтись с неведомым противником в поединке и одержать победу. Он чувствовал потребность не только завоевать Веру, но и отвоевать её у другого. Только ощутив вкус победы, он проникся бы Верой как высокой наградой судьбы.

Если бы он узнал истинное положение дел, то неизвестно, как повёл бы себя дальше. Может быть, просто отступил или превратил первое свидание с желанной девушкой в вечер дружеского общения. Как знать. Но придуманное им самим Верино прошлое и настоящее приятно кружило голову, возбуждало и толкало на романтические поступки.

Глава 4

Вера примчалась на работу минута в минуту. Она даже забыла поздороваться с приветливым ко всем сотрудникам, а к ней особенно, охранником Ильёй Варнавой.

Охранник скорее удивился, чем огорчился, списав всё на девичью рассеянность. Хотя прежде Евдокимова не была ни торопливой, ни рассеянной. На работу она приходила заранее, ему, Илье, всегда приветливо улыбалась и даже время от времени интересовалась здоровьем его родителей, чем трогала Варнаву до глубины души. А тут даже не взглянула в его сторону. Скорее всего, сказалось послеотпуск-

ное настроение. Ведь сегодня Евдокимова вышла из отпуска первый день.

И тут Илья вспомнил, что в руках Вера несла что-то плоское и довольно большое. «Что бы это могло быть? — думал он. — Похоже на завёрнутую картину. Может быть, это подарок шефу? Или привезла что-то из отпуска для украшения офиса?» — мысленно гадал парень. У него не было полномочий останавливать сотрудников и расспрашивать их о том, что они несут с собой. Таково распоряжение шефа Андрея Ивановича Данилова. А начальству, как говорится, видней. Через минуту Варнава уже выбросил из головы Веру вместе с несвойственным девушке поведением.

Евдокимова в это время уже была в бухгалтерии. Раскрасневшаяся от быстрой ходьбы и от так и не покинувшего её волнения, Вера отшучивалась от обступивших её сотрудников. Со всех сторон звучало:

— Верочка, как съездила?

— Вера Матвеевна, каким было море? Вы купались? На экскурсии ездили?

— Отель сколько звёзд?

Исподволь прозвучало и то, что больше всего интересовало коллег:

— Шеф сделал вам предложение?

Вера поджала губы.

— Вы уж, голубушка, извините нас за любопытство, — пробасила самая старшая из «девочек» пятидесятивосьмилетняя Марина Аркадьевна, — мы за вас все так переживаем.

— Ну и напрасно, — постаралась отозваться как можно беззаботнее Вера. Она вовсе не собиралась допускать в святая святых любопытных сослуживиц, хотя и предполагала, что они искренне переживают за неё и своего обожаемого шефа.

— Андрей Иванович что-то не выглядит весёлым, — робко заметила двадцатипятилетняя Алёна Игнатова, тайно влюблённая в Данилова.

— Что да, то да, — подхватила ещё одна сотрудница, сорокалетняя Ирина Матвеевна Елизарова.

— А что, он уже заходил сюда? — небрежно спросила Вера.

— А как же! — всплеснула холёными полными руками Марина Аркадьевна.

— Спрашивал о вас, — многозначительно заметила Ирина Матвеевна.

— Я задержалась в парке, — ответила Вера.

— В парке? — удивлённо в один голос выдохнули все три «девочки».

— Да, я на работу хожу через парк. Вот и...

— Да, погода сегодня и впрямь прекрасная, — не дала ей договорить Марина Аркадьевна.

— Дело не в погоде, — поморщилась Вера, страшно не любившая, чтобы её перебивали. Исключения не делались и старшим по возрасту.

— А в чём? — пискнула Алёна, чем сразу же сняла возникшее было напряжение.

— Там художники кучкуются, — неожиданно для всех «девочек» словоохотливо пояснила Вера. — И вы не поверите, оказывается, даже в таких местах можно присмотреть вполне приличную картину.

— И вы присмотрели? — живо заинтересовалась не лишённая чувства прекрасного Ирина Матвеевна.

— Да, — кивнула Вера. Она знала, что Елизарова не пропускает ни одной художественной выставки, и у неё появилось острое желание узнать мнение Ирины Матвеевны о подаренном ей Эдуардом полотне. Она не стала сдерживать своей потребности и освободила картину от бумаги.

— Какая прелесть! — восторженно воскликнула Алёна.

— Очень даже неплохо, — согласилась надевшая очки и приглядывавшаяся к картине Уфимцева.

— А что скажете вы, Ирина Матвеевна? — Вера повернула голову в сторону Елизаровой.

— Верочка, — проговорила та взвешенно, — меня всё-таки нельзя считать специалистом по живописи, я всего лишь любитель, но мне картина нравится. И лично я считаю, что художник несомненно талантливый человек. Может быть, ему не хватает в некоторой степени трудолюбия.

— Как это так? — удивились все присутствующие женщины.

Елизарова слегка замялась.

— Понимаете. — Она пощёлкала пальцами, точно подбирая слова, потом сказала: — Поэты говорят «ни дня без строчки», писатели что-то такое о чугунной попе.

Игнатовна не выдержала и прыснула со смеху.

— Да, да, Алёна, — пригрозила ей пальцем Ирина Матвеевна, — в обоих случаях речь идёт о трудолюбии. Я не знаю, какими словами сказать об упорном